

ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ: ОТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРМИНА К ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ РЕГИОНУ

*С. В. Донских, кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры туризма и культурного наследия
Гродненского государственного университета им. Янки Купалы*

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила после себя неизгладимый след в истории и культуре белорусского народа. Наследием этой войны стали не только музейные экспозиции, монументы и художественные произведения, запечатлевшие трагические и героические события середины XX в., но идеалы, ценности, моральные установки и стереотипы, по сегодняшний день определяющие массовое сознание белорусов. Великая Отечественная война стала белорусским опытом участия и точкой зрения на события всей Второй мировой войны. Не случайно, что с военной тематикой оказался связанным ряд терминов, которые, будучи артикулированы во вполне конкретных исторических условиях, впоследствии получили самостоятельное значение и развитие благодаря собственной имманентной логике.

Одним из таких понятий оказалось понятие Западной Беларуси (первоначально Западной Белоруссии). Белорусские историки В.Н. Михнюк и А.В. Трофимчик аргументировано доказали, что термин Западная Беларусь начинает употребляться в 1918–1920 гг. в ходе политических дискуссий, связанных с процессами национального государственного строительства и самоопределения наций в Восточной Европе после Первой мировой войны [1; 3]. Изначально речь шла о геополитическом термине, обозначающим территории с многочисленным белорусским населением, которые по итогам Рижского мира 1921 г. вошли в состав Польской республики. Закономерно, что термин Западная Беларусь (Белоруссия) в 20–30-х гг. XX в. получил широкое распространение в БССР и практически не упо-

треблялся в Польше, в состав которой собственно и входил этот регион. Здесь базовым региональным термином стало широкое, очень популярное, но неофициальное понятие «Kresy Wschodnie» (восточные окраины, области). Применительно к Западной Беларуси польские авторы предпочитали писать о «северо-восточных воеводствах», а не об окраинах Польской республики. Однако широкое распространение в публицистике и массовом сознании понятия «Kresy» лишь подчеркивало когнитивный диссонанс между официальной точкой зрения и повседневностью – «Kresy» явно не воспринимались массовым сознанием в качестве одного из польских регионов.

Современные исследователи склонны связывать артикуляцию термина Западная Беларусь с политикой Советской России по легитимации будущего военного конфликта с Польшей и пересмотром западных границ СССР [3, с. 122]. Такой подход не являлся чисто советским изобретением. Он был закономерен для внешней политики европейских государств во второй половине XIX – начале XX в., которая часто основывалась на дискурсе ирредентизма – политики по объединению всех национальных регионов в одно государство. Логика ирреденты – возвращения в лоно единого национального государства отторгнутых и/или исконных территорий – подталкивала Францию, Сербию, Италию и даже, отчасти, Германию и Россию (претендовавшую на всю Армению, Галицию и Дарданеллы) к участию в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Закономерным результатом советской политики стала институционализация термина Западная Беларусь в названиях политических организаций: Коммунистической партии Западной Белоруссии и Коммунистического союза молодежи Западной Белоруссии (1923–1938). Как инструмент ирреденты термин Западная Беларусь полностью выполнил свою задачу – вступление СССР во Вторую мировую войну 17 сентября 1939 г. было легитимировано освобождением трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии от панского ига в буржуазно-помещичьей Польше. Дата 17 сентября 1939 г.

вошла в белорусский национальный календарь как день Воссоединения Западной Беларуси с БССР.

Однако за двадцатилетие своего существования термин Западная Беларусь стремительно приобрел новое смысловое содержание. Произошла не просто реификация понятия. Был запущен механизм конструирования и деконструирования нового историко-культурного региона. Прилагательное «западный» стало смыслоопределяющим атрибутом для этой части Беларуси. Уже в 1919 г. белорусский ученый, политический и общественный деятель А. Смолич в первом издании «Географии Беларуси» отметил, что под власть Польши попала треть всей территории Беларуси: «К тому же это как раз западная часть Беларуси, которая перед войной [*Первой мировой – С. Д.*] была наиболее культурной, густо населенной и национально сознательной». А. Смолич подчеркнул, что на этой территории проживает около 3 млн человек, в то время как в 6 центральных уездах, выделенных в Советскую Беларусь, живет лишь 1,5 млн человек [2, с. 7]. Таким образом, Западная Беларусь была имплицитно позиционирована как регион, который играет главную роль в процессах сохранения и развития национального самосознания и национальной культуры Беларуси. Примечательно, что за исключением КПЗБ и КСМЗБ все белорусские общественно-политические и культурные организации, действовавшие в Западной Беларуси в межвоенный период, позиционировали себя как собственно белорусские, а не как региональные западнобелорусские объединения.

Вскоре Западная Беларусь наделяется чертами уникального историко-культурного региона. В 1928 г. в Минске выдающийся белорусский исследователь архитектуры и искусства Николай Щекотихин пишет о «Замковом и военном зодчестве в Западной Беларуси в XIII–XVI вв.». Сам термин и границы региона не вызывают никаких сложностей у белорусского исследователя – это Вильно, Новогрудок, Крево, Лида, Гродно, Троки и Мир. Н. Щекотихин четко выделяет и главную особенность данного региона –

влияние западноевропейской культуры (в изучаемый исторический период – это немецкая культура), рецепция ее достижений и образов, а также отход от «византийских и восточных форм» [4, с. 139–145].

В межвоенный период процесс конструирования историко-культурного региона Западная Беларусь хронологически совпал с процессом деконструкции, точнее, ментальной деструкции, исторической Литвы. После Первой мировой войны Восточная Европа мыслила себя исключительно в национальных категориях «права нации на самоопределение» и пыталась реализовать демократические принципы в обществе, которому еще предстояло пройти процесс модернизации. Приоритет этнокультурного большинства, каковым на данной территории являлись белорусы, не оставлял понятию исторической Литвы (или ее альтернативным репрезентациям – немецкой «Южной Литве» или польской «Срединной Литве») никаких перспектив. Польские власти произвольно ускорили этот процесс, когда в ходе противостояния с правительством «Ковенской Литвы» постарались искоренить на территории «северо-восточных воеводств» все следы исторического литовского влияния. В частности, Брест-Литовский, Каменец-Литовский, Щучин-Литовской были переименованы в Брест, Каменец, Щучин-Новогрудский. Это объективно способствовало укоренению в массовом сознании термина Западная Беларусь за счет вытеснения старого исторического термина Литва, еще столь очевидного относительно данной территории для образованных людей во второй половине XIX – начале XX в. («Литовское и Белорусское Полесье» для издателей «Живописной России» в 1882 г. или региональный журнал на польском языке «Литва и Русь» в 1912–1913 гг.).

Таким образом, изначально термин «Западная Беларусь» был артикулирован в интеллектуальном пространстве Восточной Европы после Первой мировой войны. Ее главным результатом явился распад четырех великих монархий – империй Габсбургов, Гогенцоллернов, Османов и Романовых. На их месте возник целый ряд молодых национальных

государств, с неочевидными границами, многочисленными национальными меньшинствами и массой взаимных претензий друг к другу. В новых политических условиях аргументация исторической преемственности уступила место национальным доводам воссоединения народов в своих национальных государствах. Мало кто из политиков в то время осознавал, что получивший второе дыхание дискурс ирредентизма, одной из форм проявления которого стал советский термин «Западная Беларусь» вел прямой дорогой ко Второй мировой войне.

Однако в белорусской общественно-политической и, говоря современным языком, культурологической мысли произошла невероятная трансформация термина «Западная Беларусь». Уже в 20–30-х гг. XX в. этот только что сконструированный регион стал репрезентироваться как Беларусь, альтернативная относительно БССР, как регион со своими границами, территорией и историко-культурным наследием, своеобразие которого во многом детерминировано давними и интенсивными контактами с Западом. Такой взгляд на вещи не более чем еще один стереотип или автостереотип белорусского исторического сознания. Самое поразительное в данной проблеме – это то, как быстро белорусы освоили и адаптировали чисто инструментальный геополитический термин, артикулированный в период между двумя мировыми войнами, для целей и задач своей культуры и своего национального развития.

1. Міхнюк, У. Заходняя Беларусь: граніцы, тэрыторыя і насельніцтва: гістарыяграфічныя нататкі / У. Міхнюк // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 11. – С. 14–21.

2. Смоліч, А. Геаграфія Беларусі / А. Смоліч / Пасьлясл. А. Ліса. – Мінск : Беларусь, 1993. – 382 с.

3. Трафімчык, А. Да праблемы дзяржаўнасці распалавіненай Беларусі ў міжваенны перыяд: палітыка Крамля / А. Трафімчык // Białoruskie Zeszyty Historyczne, Беларускі гістарычны зборнік. – Białystok, 2008. – Т. 29. – С. 115–129.

4. Шчакаціхін, М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М. Шчакаціхін. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 336 с.